

УДК 343.8-051

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).4.320-325

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ СЕВОСТЬЯНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник факультета № 4,

Харьковский национальный университет внутренних дел,

г. Харьков, Украина,

e-mail: odin.univd@gmail.com

ЗНАНИЯ, НАСТОЯННЫЕ НА ПРАВДЕ

Для цитирования

Севостьянов, В. П. Знания, настоянные на правде / В. П. Севостьянов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 4. – С. 320–325. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).4.320-325.

Аннотация. Статья посвящается генерал-майору Николаю Алексеевичу Стручкову – одному из выдающихся ученых-пенитенциаристов России второй половины XX века, ветерану Великой Отечественной войны, заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору юридических наук, профессору. Его человеколюбие и жизнестойкость являются для современного поколения ученых морально-нравственной основой формирования новых знаний в отраслях наук уголовно-правового комплекса.

Преодолевая политическую конъюнктуру и заангажированность в социальной практике, догматизм в науке, Н. А. Стручков продолжает оставаться генератором идей, обеспечивающих современное общество институционально-правовым механизмом гармонизации отношений, возникающих в сфере исполнения уголовных наказаний между человеком и государством, в целях утверждения в них реального гуманизма. Уникальной способностью профессора Н. А. Струčkова было его умение связывать высокие теоретические абстракции с реальной практикой, в том числе с практикой организации процессов исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Публично не призывая к возрождению религиозно-нравственного воспитания в системе основных средств исправления и ресоциализации осужденных, он примером своей жизни предвосхитил реализацию принципа свободы вероисповедания в светском государстве, а также в государственных учреждениях исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: Стручков Николай Алексеевич, исправительно-трудовое право, уголовно-исполнительное право, пенитенциарное право, гуманизм, исполнение уголовных наказаний.

© Севостьянов В. П., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

*Не скоро боль утраты осознаем...
Живет в недопечатанной строке.
В научной выси и небесной дали.
В сердцах родных, учеников, труде!*

Эта эпитафия была написана, изготовлена и передана мною начальнику кафедры управления органами, исполняющими наказания, Академии МВД СССР профессору Алексею Емельяновичу Наташеву в ноябре 1989 г., в скорбные дни прощания с моим первым научным руководителем Николаем Алексеевичем Стручковым (13 февраля 1922 г. – 15 ноября 1989 г.).

Документ, в котором Н. А. Стручков выражает свое согласие осуществлять научное руководство адъюнктом очного обучения кафедры управления органами, исполняющими наказания, Владимиром Петровичем Севастьяновым, до настоящего времени хранится в моем личном архиве. Этот документ был им подписан 14 декабря 1988 г.

**В отдел адъюнктуры Академии
МВД СССР**

Выражаю свое согласие осуществлять научное руководство адъюнктом Севастьяновым Владимиром Петровичем (соискателем) очного обучения кафедры (отдела) управления органами, исполняющими наказания по теме диссертации "Реализация принципа равноправия в нормах исправительно-трудового права и деятельности исправительно-трудовых учреждений"

специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право Стручков Николай Алексеевич профессор кафедры ЮИИ Академии МВД СССР доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР

(подпись) Н. Струч

ученое звание) 14 декабря 1988 г.

т.Ак 234–1009

В моем рабочем кабинете всегда находится художественное изображение моего научного руководителя – Николая Алексеевича Струčkова.

В 1988 г. на кафедру было зачислено 6 адъюнктов очного обучения. Поздравив всех с поступлением, начальник кафедры полковник А. Е. Наташев сообщил, что у профессора Н. А. Струčkова есть одно место для плановой научной нагрузки по кафедре, профессором которой он был в то время. На вопрос: «Кто желает пройти собеседование первым?» – ни у кого из нас ответа не было. Приказав всем вновь поступившим адъюнктам ожидать результатов собеседования, А. Е. Наташев направил майора В. П. Севастьянова первым, сопроводив напутствием, что если Н. А. Стручков тебе откажет, то мы будем предлагать тебя другим ученым для дальнейшего научного руководства.

Первая встреча с Учителем, которого мы знали только по его учебникам, монографиям и многочисленным научным публикациям, длилась не менее часа, в который вместились вся моя жизнь.

К тому времени стаж моей службы в органах МВД СССР был более 17 лет.

На вопрос Н. А. Стручкова о том, какие существуют проблемы в тюрьме, я искренне ответил, что в тюрьме проблем нет, так как вся деятельность СИЗО и ИТК строго регламентирована Исправительно-трудовым кодексом и Правилами внутреннего распорядка в ИТУ и СИЗО. Единственная проблема – это объем служебной нагрузки на сотрудников учреждений, который несоизмерим даже с ненормированным рабочим днем. В годы перестройки, с 1985 по 1989 год, я систематизировал основные требования действующих нормативно-правовых актов центральных и территориальных органов управления учреждениями, исполняющими наказания, и суммировал минимально необходимое служебное время для их исполнения. В зависимости от качества исполнения – от ознакомления до завершения отчета требовалось от 140 до 200 часов службы в неделю, при том как в неделе всего 168 астрономических часов, а установленная законом норма рабочего времени в неделю была от 35 до 41 часа. В таких условиях службы любой контролирующей, проверяющей, управляющей орган, а их было более 50, мог формально наказать, «зааттестовать» или просто уволить любого сотрудника учреждения, несмотря на должность, стаж службы, уровень профессиональной квалификации.

И в современных условиях в разных сферах государственного управления простота, ясность, реальность, доступность и выполнимость норм закона нередко подменяются бюрократическими процедурами.

По результатам индивидуального собеседования Николай Алексеевич Стручков дал свое согласие на научное руководство и принял самое активное участие в расширении моего научного мышления от уровня «служебной кочки» до определенных ступенек «государственной вышки». Для этого он каждую неделю приносил из своей личной библиотеки научные работы таких ученых, как: А. Е. Наташев, М. П. Мелентьев, А. И. Зубков, А. Л. Ременсон, И. И. Карпец, И. С. Ной, С. С. Алексеев, Г. М. Миньковский, М. П. Стурова, Ю. М. Антонян, Н. К. Дорофеев, А. Э. Жалинский, В. Н. Кудрявцев, Б. С. Утевский, Е. Е. Ширвиндт, И. В. Шмаров, К. Е. Игошев, А. С. Михлин, И. А. Сперанский, Н. А. Беляев, Л. В. Багрий-Шахматов, Г. А. Туманов, Л. Г. Крахмальник, В. П. Артамонов, а также молодых в то время ученых – В. И. Селиверстова, В. М. Анисимкова, В. И. Дробышева, В. В. Николюка, В. Б. Первозванского, С. И. Кузьмина, П. Г. Пономарева (после смерти Н. А. Стручкова П. Г. Пономарев продолжил научное руководство, которое в значительной мере способствовало успешной защите кандидатской диссертации В. П. Севостьяновым в 1991 г.).

Николай Алексеевич Стручков, как и многие его коллеги, ученые-единомышленники того времени, был участником Великой Отечественной войны.

После досрочного окончания Московской авиационной школы авиамехаников ВВС РККА 7 июля 1941 г. он был направлен в 243-й полк штурмовой авиации 2-й авиадивизии 16-й воздушной армии, в которой воевал до окончания войны, завершив службу в должности помощника начальника политотдела 11-й гвардейской авиационной дивизии.

Вполне допустимо предположить, что именно ужасные последствия Второй мировой войны, Нюрнбергский процесс, Всеобщая декларация прав человека, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, процесс реабилитации жертв политических репрессий (количество реабилитированных лиц превысило 5 млн чел.) сформировали у поколения ученых-фронтовиков неукротимое стремление к знаниям.

Николай Алексеевич Стручков, будучи тяжело ранен в боях за Берлин в мае 1945 г., никогда не критиковал высшее военно-политическое руководство страны,

которую защищал от фашизма. Его лаконичные рассказы и воспоминания о личных встречах с вождями и государственными чиновниками высшего ранга, так же как и научные публикации, никогда не содержали услужливой политической конъюнктуры или неаргументированной критики научных взглядов предшествующих поколений ученых-юристов.

Я был потрясен, когда на официальном бланке Верховного Совета СССР, направленном на его имя с просьбой дать экспертную оценку одного из законопроектов, Николай Алексеевич, изложив свое мнение, крупными буквами дописал: «Срок для предоставления более квалифицированной оценки оскорбительно мал!» (Будучи дежурным офицером по кафедре, я лично привозил этот документ Николаю Алексеевичу Стручкову домой и ожидал его письменного ответа в соответствии с указанным на пакете временем возврата этого документа).

Участник многих международных конгрессов и форумов, конференций и симпозиумов, член экспертных и специализированных ученых советов (Н. А. Стручков до 1989 г. был членом специализированного ученого совета Харьковского юридического института имени Ф. Э. Дзержинского), Николай Алексеевич с нескрываемым удовольствием участвовал в заседаниях кафедры управления органами, исполняющими наказания, Академии МВД СССР, профессором которой он работал до своей трагической кончины.

Не избегал он также традиционных кафедральных чаепитий, которые считал необходимым элементом воспитания коллектива единомышленников и полусерьезно или полужутливо называл их наиболее эффективной методологией научного поиска в виде «околонаучного трепа».

Мне он лично велел завести специальный блокнот и записывать в него мысли присутствующих на таких чаепитиях ученых и, если позволяет ситуация, тактично направлять их рассуждения в тему своего диссертационного исследования. С этим блокнотом я также посещал открытые лекции, семинары и заседания кафедры социологии, педагогики и психологии, криминологии, административного и уголовного права.

Некоторые «мысли вслух» знаменитых ученых того времени являются актуальными и в настоящее время как по своей глубине и масштабности, так и по простоте их выражения. Например, профессор А. И. Зубков считал, что тюрьма необходима любому политическому режиму. Мы не знаем тюрьмы, утверждал он. В силу этого тюремную систему необходимо постоянно и внимательно изучать, так как любое общество не в состоянии обходиться без тюрем, а профессор Г. А. Туманов категорично утверждал, что единственными вечными социальными институтами любого государства являются: роддом, тюрьма, кладбище. Эти идеи невозможно было публично озвучивать, так как они шли вразрез с линией КПСС, в программе которой предусматривалось к 80-м годам XX века полностью ликвидировать преступность в СССР и закрыть все тюрьмы.

Серьезный, а порой суровый вид профессоров А. Е. Наташева и И. В. Шмарова скрывал их всегдашнюю готовность к шуткам и розыгрышам, поднимающим настроение и повышающим жизненный тонус окружающих их людей.

Безусловно, что атмосферу дружбы, доверия и взаимопомощи на нашей кафедре формировали Н. А. Стручков, А. Е. Наташев, А. И. Зубков, которые с неподдельным уважением и вниманием относились к каждому сотруднику и адъюнкту кафедры.

Н. А. Стручкова следует помнить не только как выдающегося ученого-пенитенциариста, но и как соавтора первого в СССР закона, регулирующего порядок и условия исполнения уголовных наказаний, на основе которого были приняты исправительно-трудовые кодексы во всех союзных республиках (1970–1971 гг.).

Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик были приняты 11 июля 1969 г. при непосредственном его участии.

Как мне лично рассказывал Николай Алексеевич, проект этого закона был включен в повестку сессии Верховного Совета СССР. В процессе его обсуждения поступило несколько предложений и замечаний. В перерыве заседания Н. А. Стручкова пригласил к себе Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. П. Георгадзе и предложил ему за время перерыва отредактировать текст закона с учетом имевшихся поправок. «Если успеешь, – сказал он, – закон сегодня примем». Требуемые поправки были отредактированы, закон был принят 11 июля 1969 г.

Символичным является тот факт, что датой принятия нового Уголовно-исправительного кодекса Украины, в разработке проекта которого на разных стадиях принимали участие М. П. Мелентьев, В. И. Селиверстов, Г. А. Радов, В. А. Левочкин, В. М. Трубников, Т. А. Денисова, А. М. Бандурка, а также автор этой статьи, оказалось тоже 11 июля 2003 г.

Уникальной способностью профессора Н. А. Стручкова было его умение связывать высокие теоретические абстракции с реальной практикой, в том числе с практикой организации процессов исполнения и отбывания уголовных наказаний.

На одном из семинаров с адъюнктами он задал нам неожиданный вопрос: «Можно ли построить коммунизм в отдельно взятой тюрьме?» Не ожидая быстрого ответа, он разделил группу на две части с учетом желания каждого адъюнкта и предложил в течение недели подготовить оценочные суждения по сформулированной проблеме.

В результате продолжительной аргументированной дискуссии ни сторонники, ни противники предложенной теоретической модели успеха не добились. Однако главная цель была достигнута – были заложены фундаментальные методологические основы многофакторного анализа процессов исполнения и отбывания наказания, его непосредственной связи с цивилизационными, геополитическими, экономическими, расовыми, религиозными, международными, идеологическими, национальными, правовыми, информационными, морально-нравственными, гендерными, геронтологическими, социальными и многими другими детерминирующими его эволюцию явлениями. Абсолютизация любого из них бессмысленна и в конечном счете опасна. Степень или иерархия их воздействия на процесс исполнения и отбывания наказаний в разных пространственно-временных условиях различна и динамична.

Однажды на вопрос: «Чем советская тюремная система отличается от западноевропейской?» – профессор Н. А. Зубков ответил: «Только пищей и жилищем!». Именно они – суть единой социальной политики любого государства, в которой Н. А. Стручков определял место и роль политики в сфере исполнения уголовных наказаний, сориентированной прежде всего на удовлетворение естественных и духовных потребностей человека, то есть на реальный гуманизм.

В одно из майских воскресений 1989 г. Н. А. Стручков попросил меня съездить с ним на Донское кладбище, расположенное недалеко от станции метро «Тульская». Там была похоронена его мама – Елена Владимировна Стручкова. Скромное захоронение без помпезных ограждений и монументов (впоследствии в нем был похоронен Н. А. Стручков) находилось недалеко от церкви, в которую привел меня Учитель.

Хорошо зная историю Русской православной церкви, Николай Алексеевич рассказал мне в тихой, немногочленной обстановке храма о ее канонических основах, святынях и особо чтимых Святых. Перед иконой Святителя Чудотворца Николая мы поставили свечи (в жизнеописании Св. Николая указано также, что он является покровителем всех незаконно осужденных).

«Верить можно только Богу и Правде. Эта вера – суть души человеческой», – сказал мне Николай Алексеевич.

Публично не призывая к возрождению религиозно-нравственного воспитания в системе основных средств исправления и ресоциализации осужденных, он примером своей жизни предвосхитил реализацию принципа свободы вероисповедания в светском государстве, а также в государственных учреждениях исполнения уголовных наказаний.

Каждый человек – это вопрос. Жизнь – это ответ. Знания – это путь. Только знаниями, настоящими на Правде, Человек обязан себе, своей профессии, своей Родине.